

Владимир Санин

БОЛЬШОЙ ПОЖАР

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 18

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25271-4

© В. М. Санин (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ОСТРОВ ВЕСЕЛЫХ РОБИНЗОНОВ

*Людмиле Травинной, моему проводнику
по Острову Веселых Робинзонов*

О ВРЕДЕ ЗЕВКОВ

Этим летом я чувствовал себя скверно. Одолевала бессонница. Часов в одиннадцать вечера я ложился в постель и начинал прислушиваться к каждому звуку. За стеной брэнчал на гитаре сосед и замораживающим голосом вокзального диктора увечил один романс за другим. Был он обычно до часу ночи. Затем эстафету принимали коты. Видимо, наш двор обладал какой-то особой притягательной силой, потому что коты лезли сюда со всего города. Они с полчаса митинговали, а потом, так и не найдя общей платформы, устраивали безобразную свалку. Тогда выходил заспанный дворник — дядя Вася — и примирял их водой из шланга. Коты расходились по домам, и я оставался один на один с так называемой ночной тишиной.

Не знаю, кто ввел в оборот этот сомнительный термин — ночная тишина, но думаю, что это был человек глухой, как музыкальный критик. Днем это считается в порядке вещей, когда мимо вашего дома проносится стая грузовиков и трамваев, но зато ночью одна-единственная запоздалая «Волга» производит столько шума и грома, сколько их не вырабатывает трамвайный парк за целый год. Я плотно закрывал окна, зарывался в подушки и страдал. Я думал о том, что мои уши — превосходные локаторы. Мне казалось, что они улавливают даже храп ночного сторожа из универмага, расположенного в двух километрах от моей квартиры.

В редакцию я приходил сонный и вялый, как медуза. Шеф бросал рысый взгляд на мою потрепанную фигуру и с презрением отворачивался. Он не любил людей, ведущих разнузданный образ жизни. Неделю назад он раз и навсегда потребовал прекратить «эти гнусные сказки о бессоннице» и по-отечески посоветовал мне жениться.

Зевая, я садился за свой стол, на котором лежал центнер юмористических рассказов, фельетонов и эпиграмм для очередных номеров газеты. Шеф, которому мои зевки мешали творчески осмыслить верстку, начинал нервно ерзать в кресле. Я до хруста сжимал челюсти, понимающе кивал сотрудникам и с умным видом приступал к работе.

Первый рассказ стоил мне легкого изящного зевка, который я непринужденно перевел в кашель; от второй юморески мои челюсти свело в спираль, а третья вызвала затяжной и безысходный зевок, который начался на первой странице и кончился на шестой. Но доконали меня эпиграммы. Их было целые километры. На каждое четверостишие я откликался энергичным зевком. Я понимал, что поступаю бестактно, но ничего не мог поделать. Видимо, юмор распространяет какие-то флюиды, воздействующие на зевательные центры нервной системы. Я надеюсь, что ученые рано или поздно докопаются до этой тайны, и тогда с люминалом будет покончено. Врач выпишет пациенту десяток эпиграмм, и через полчаса больной так захрапит, что сейсмографы на Камчатке отметят колебания невероятной силы.

Я поднял голову: передо мной стоял шеф и произносил монолог, содержанием которого являлась крайне низкая оценка моего морального облика. По пятибалльной системе этот облик измерялся величиной, близкой к единице, причем шеф утверждал, что он недопустимо либеральничает в своей оценке. Он низвел меня на нет, уничтожил, вскрыл мои моральные язвы и прижег их каленым железом.

Я и не пытался оправдываться. Я только зевнул, и это было концом. Такого кощунства шеф перенести уже не мог. Медленно смакуя каждое слово и упиваясь моей растерянностью, он приказал мне немедленно отправляться в отпуск.

Я был разбит наголову. Вдребезги разлетелась мечта о путевке в Международный лагерь журналистов, которую мне обещали через два месяца.

— А чтобы никто не говорил, что я не забочусь о своем аппарате, — добавил шеф, потирая руки, — изучите это объявление.

И он положил передо мной позавчерашний номер вечерней газеты. Я прочитал:

«Имеются путевки в санаторий с самостоятельным режимом, расположенный в районе озера Вечное на Валдае. Принимаются

заявления от лиц, страдающих повышенной нервной возбудимостью, бессонницами, головными болями. Обращаться в Институт невропатологии».

ГОЛУБОГЛАЗЫЙ АНГЕЛ

Я был чрезвычайно польщен, когда, придя в поликлинику, узнал, что со мной будет иметь беседу сам Иван Максимович Бородин, директор и академик. Было приятно, что моя скромная бессонница заинтересовала такое научное светило. Я вошел в кабинет, и в то же мгновение меня оглушил рокочущий бас.

— Итак, юноша, у вас бессонница! — прогремело из-за ширмы. — Стыд и позор — в такие годы! Подойдите ко мне, я завтракаю.

Академик, румяный здоровяк лет шестидесяти, сидел в кресле и жевал бутерброд.

— Количество путевок у меня ограничено, но за вас просил мой старый друг и ваш редакционный начальник, которому я не могу ни в чем отказать. Он хныкал в телефонную трубку, что ваши зевки дезорганизуют работу редакции! Вы умеете доить корову? Не смотрите на меня младенческим взором и закройте рот! Научитесь. Каждый культурный человек должен уметь доить корову! Правильно? То-то. Посмели бы возразить! Ну те-с, голубчик! Землю нужно копать! Согласны? То-то. Посмели бы не согласиться! Чего молчите?

Я с легким испугом пробормотал, что внимательно слушаю и принимаю к руководству советы. Светило удовлетворенно кивало:

— Правильно. Если бы вы ответили иначе, я бы отправил вас обратно. В нашем экспериментальном санатории нет места лежебокам и нытикам. Во главе санатория мною поставлен многообещающий ученый, автор оригинальных, ультрасовременных методов лечения. Будете спать как бревно. Благодарите.

— Большое спасибо.

— То-то. Посмели бы не поблагодарить! Лечитесь изо всех сил. Подчиняйтесь главному врачу, как солдат. Никаких лекарств с собой не брать. Вопросы есть?

— Мой друг, Иван Максимович, мечтает провести отпуск со мной. Если вы позволите...

— Он? Она? С нервами?

— Он, Иван Максимович. Без всяких нервов. Тихий и спокойный, как черепаха.

— Пусть едет. Там будут нужны и здоровые люди. Вот вам записка. Идите к Марии Мироновне Рыжкиной. Подробности — у нее. Ни пуха ни пера! Пошлите меня к черту. Ну, смелее!

— Идите к черту, — смущенно пролепетал я.

— То-то. Посмели бы не послать! Когда выйдете в коридор — четвертая дверь налево. И не забывайте: каждый культурный человек должен уметь доить корову!

— Из редакции газеты?

Миловидное, даже хорошенькое существо в кокетливом белом халатике подарило мне любопытный взгляд больших и наивных голубых глаз.

— Да, Маш... Мария Мироновна — это я. Вы не очень спешите? Тогда посидите, пожалуйста, я должна еще несколько минут поговорить с этим товарищем. Можно?

Я отпустил миловидному существу какой-то топорный комплимент, от которого задрожала люстра, поспешно сел и углубился в газету. Потом я долго не мог простить себе этой оплошности, так как первую половину разговора безнадежно упустил, а смысл второй стал мне ясен слишком поздно. На том самом месте, где спортивный обозреватель пустился в пляс по поводу второго гола, влетевшего в ворота моей любимой команды, я услышал такую фразу:

— Маша, ты авантюристка! Откажись от этой блажи, пока не поздно.

Я почувствовал, что во мне просыпается Д'Артаньян. Но не успел я встать и громовым голосом произнести: «Послушайте, монсеньер! Да, вы, который нахлобучил себе на голову эту старую наволочку! Если вы немедленно не извинитесь перед прелестной дамой за чудовищное оскорбление, я буду иметь честь проткнуть вас вот этим шприцем!» — не успел, повторяю, я это сказать, как моя подзащитная ответила веселым сопрано:

— Олег, не будь ретроградом, в науке каждый идет своим путем. Я уверена, что мой метод имеет такое же право на жизнь, как и всякий другой. А главное — за меня сам Иван Максимович! Какое там место, просто рай! Сосновая роща, лужайки...

— На которых будут пасть твои кролики? — проворчал наглец. — Ну-ну, как бы они не свернули тебе шею в первый же день. Отчаянный ты человек, Машка! Провалишься!

«Дуэль на десяти шагах до крови», — решил я.

— Пари? — сияя голубыми глазами, предложила Маша. — Ставлю кварталный абонемент в бассейн «Москва» на... на...

— На что угодно!

— Отлично. Если я вернусь с победой, целый месяц будешь кормить меня шоколадными батончиками! По рукам? А теперь уходи и не мешай мне давать интервью представителю печати. Присаживайтесь поближе, товарищ.

Я кровожадным взглядом отпетого дуэлянта проводил свою будущую жертву и с удовольствием подсел к голубоглазому ангелу.

— Видите ли, — галантно начал я, — к вам пришел не столько представитель печати, сколько человек, измученный бессонницей. Я только что побывал у Ивана Максимовича, вот его записка.

— Записка? Бессонница? — У ангела, как мне показалось, испуганно расширились глаза. — Но ведь вы сказали, что пришли из редакции!

— Совершенно верно. К вам пришел работник редакции, страдающий бессонницей и мечтающий попасть в санаторий, — любезно разъяснил я.

— Скажите, вы порядочный человек? — с неожиданной и обезоруживающей наивностью спросил ангел. Я быстро соорудил на своей физиономии загадочную улыбку, но надобность в ней немедленно отпала. — Впрочем, извините. Есть вопросы, на которые ни один мужчина в мире не ответит отрицательно. Лучше признайтесь: вы слышали весь разговор с моим коллегой? От начала до конца? Только скажите правду, пожалуйста! — умоляюще закончил этот ребенок в докторском халате.

Я чистосердечно рассказал, как случайно услышал обвинение в авантюризме, которое оторвало меня от газеты, и попросил Марию Мироновну — я с трудом произнес эти два слова — объяснить мне, что ее встревожило.

— Зовите меня просто Маша, — вздохнув, ответила она. — Меня все равно никто не хочет называть Мария Мироновна. А мы беседовали так... о разных профессиональных тайнах. Ну, рассказывайте.

Выслушав меня, Маша подумала, совсем как школьница потерла лоб ладонью и подвела итоги:

— Вы меня устраиваете. Подавайте заявление и готовьтесь к отъезду. До свидания.

— А можно будет еще с вами...

— Проконсультироваться? — закончила Маша. — Конечно. Ведь я тоже еду с вами, как санаторный врач.

— О! — вырвалось у меня. — Извините.

— Ничего, это чисто нервное, — констатировала Маша и улыбнулась. — Всего хорошего.

«Занятое существо, — уходя, подумал я. — Только лечить людей ей, наверное, рановато. Куклу — куда ни шло, но человека...»

АНТОН И ШНИЦЕЛЬ

У каждого человека может быть много приятелей, но друг — только один. И ради бога, не убивайте меня ссылками на четырех мушкетеров и троих в одной лодке (не считая собаки). У Петра Первого был один Алексашка Меншиков, у Дон Кихота — Санчо Панса, а у Тимошенко — Березин. Эти примеры кажутся мне более убедительными. Да, только один друг — и сколько угодно приятелей.

У приятеля можно занять трешку до зарплаты, запастись свежим анекдотом, поорать вместе на футбольном матче и распить бутылочку доброго вина. Общение с приятелем легко и приятно, оно освежает, как слепой дождик в летнюю сушь.

Но есть вещи, на которые способен только друг. Только друг заложит в ломбард свои единственные парадные брюки, чтобы вы могли купить букет цветов любимой девушке; только друг, зеленея и про себя обзывая вас идиотом, согласится битых два часа слушать ваши лирические стихи и при этом не станет корчить постные рожи; только он будет бродить всю ночь по притихшим улицам, слушая ваш бессвязный и жалкий лепет насчет любимого существа; и только у него хватит такта не сказать вам, что у этого существа походка и манеры гусыни.

Теперь вы уже подготовлены к тому, что в санаторий я поехал не один. Я сказал Антону, что мое здоровье и, следовательно, жизнь зависят только от него. Я добавил, что если он не разделит со мной санаторную скуку, то я не двинусь с места и тихо, никого

не проклиная, скончаюсь от недосыпания на своей тахте, завещаю ему двести рублей невыплаченного долга за купленный в кредит магнитофон.

В ответ Антон тупо пробормотал, что за удовольствие увидеть мою агонию он согласен заплатить двести рублей. Он, разумеется, ни в какой санаторий не поедет и просит меня прекратить бесплодные разговоры на эту тему. Пришлось вытаскивать последний аргумент. Я равнодушно, между прочим, вскользь сообщил этому самоуверенному типу, что как-нибудь обойдусь и без него. Очаровательная девушка, которая тоже едет в санаторий и которая...

Антон всполошился. Прямолинейными и лобовыми вопросами он выведал у меня все, что касается Машеньки, и заявил, что это меняет дело. Он уверен, что чем наивнее и голубоглазее бывают «эти ведьмы» — Антон выразился именно так, — тем опаснее они для честного холостого человека. Он, Антон, не может бросить меня на съедение и, безусловно, едет в санаторий. Он только добавил, что перспектива непрерывного общения со мной в течение месяца настолько его обескураживает, что он вынужден настаивать на одном условии: с нами едет его пес, возмутительно лохматая и наглая собака по кличке Шницель. Если я не согласен, он готов удовлетвориться компанией одного пса и уверен, что не будет в проигрыше, так как Шницель, по крайней мере, не симулирует бессонницу и не болтает всякую чепуху про свое здоровье.

Несмотря на крайне развязный тон этого заявления, я вынужден был согласиться. Мне просто больше ничего не оставалось делать. Антон был на редкость покладистый малый во всем, что не касалось его пса. Но стоило кому-нибудь проехаться по адресу Шницеля, как Антон становился на дыбы. Года два назад он подобрал в канаве полузамерзшего щенка, ввел его в свой дом, выкормил и разбаловал, как собаку. И пес вел себя в квартире так, словно лицевой счет выписан на его имя. Каждый день в половине пятого Шницель приходил к проектному бюро, где Антон портит ватманскую бумагу, и смотрел в окно на своего приятеля, подмигивая и кривляясь. Рядом на столбе висели часы, а если ровно в пять Антон не выходил, Шницель поднимал невероятный скандал: он юлой вертелся под окном, облаивал прохожих, которые мешали ему совершать этот ритуал, подпрыгивал, рычал

и всеми средствами демонстрировал свое негодование. Антон сердился, грозил кулаком, но Шницель пожимал плечами и делал вид, что эти знаки неодобрения ему неведомы. Зато когда хозяин выходил, на морде у пса появлялось такое умильное выражение, что Антон немедленно покупал подхалиму пастилу, которую Шницель страстно любил. Потом эта парочка прогуливалась и интеллектуально общалась. Это был священный час, в котором Шницель видел смысл своего существования. Горе тому, кто в это время отрывал Антона от выполнения его обязанностей собеседника!

Однако хватит о Шницеле. Дело прошлое, но, когда я вспоминаю наше сенсационное прибытие в санаторий, все неприятности, связанные с этим псом, отходят на задний план.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Мы сидели на берегу озера и ожидали катер. За нашими спинами шумел вековой лес, а впереди синела необозримая водная гладь. Мы несколько возбужденно переговаривались, смеялись, шутили — словом, вели себя как в театре во время увертюры.

Катер запаздывал, и нам надоело вглядываться в далекие очертания острова, на котором мы будем приводить в порядок свои нервы. Все приутихло и отдалось размышлениям — идеальная минута, о которой мечтают художники, чтобы без помех набросать портреты действующих лиц. Не буду ее упускать и познакомлю вас с основными персонажами повести.

Машеньку вы уже знаете. Сейчас она сидит на пенке, уставшая после поезда и автобуса, в котором мы болтались и гремели, как медяки в копилке. Подперев подбородок кулачком, она смотрит на нас, и ее большие бирюзовые глаза, кажется, говорят: «Вы ведь не обидите меня, не правда ли? Вы все такие рослые и сильные, а я хотя и врач, но маленькая и беззащитная».

Правда, Антон не очень торопится умиляться и сюсюкать. Поглаживая свою дворнягу, он доверительно шепчет в собачье ухо:

— Знаем мы таких ангелочков, они битком набиты чертями! Правда, Шницель?

Подумав, Шницель кивает и, высунув язык, растягивается на солнышке.

Антон — непримиримый противник Машеньки. Он утверждает, что докторша еще себя покажет! Чтобы его позлить, я продолжаю играть влюбленного:

— Не придирайся к этому эфирному созданию!

— Эфирному? — Антон саркастически усмехается. — Ты видел, как она перетаскивала свой рюкзак? Словно перышко! Прыг-скок галантно предложил ей свою помощь, и, когда поднял рюкзак, его стремительно рвануло к центру земли!

Около Машеньки в изящной позе соблазнителя расположился Станислав Сергеевич Прыг-скок, ведущий артист оперетты, красавец с томными глазами одалиски. Мягким бархатным голосом он что-то рассказывает, используя каждую возможность показать собеседнице свою знаменитую улыбку, приобретенную у крупного стоматолога за солидный гонорар. Машенька рассеянно слушает, а Прыг-скок (никак не вспомню, кто приклеил ему это прозвище) журчит и улыбается, улыбается и журчит.

Рядом с ними сидит на чемоданах супружеская пара. Лев Иванович — композитор, профессор консерватории, полный и веселый человек. Ему лет пятьдесят, но взгляды, которые он исподтишка бросает на Машеньку, свидетельствуют о том, что душа и тело профессора имеют изрядный запас молодости. Для Ксении Авдеевны это, видимо, не секрет. Она дергает мужа за рукав, пристально смотрит на него, и Лев Иванович, ухмыльнувшись, принимает позу, которая супруге кажется более целомудренной: он поворачивается к Машеньке спиной. До нас доносится диалог:

— Ты не забыл, Левушка, что от подобных взглядов у тебя повышается давление?

— Ты ошибаешься, дорогая. Прекрасное я не вижу, а слышу, для меня красота — мелодия, трансформирующаяся из моих зрительных нервов в мои уши. И ты, Ксенечка, уступив необоснованному первобытному чувству ревности, тем самым нанесла ущерб моей творческой личности.

— Необоснованному? Я даже не знаю, от чего у меня распухает голова: от жары или от наглости твоей творческой личности!

— Безусловно, от жары, моя радость, от жары. Ты, наверное, перегрелась на солнце, дорогая.

С этими словами Лев Иванович заботливо набрасывает на голову жены косынку, закрывая её лицо. Этим он сразу убивает двух зайцев: во-первых, трогает Ксенечку своим вниманием,

а во-вторых, получает возможность безнаказанно коситься на Машеньку, образ которой, безусловно, рождает у профессора какие-то музыкальные ассоциации; во всяком случае, Лев Иванович начинает шевелить губами и пощелкивать пальцами.

За процессом создания нового симфонического произведения с улыбкой наблюдает доцент истории Игорь Тарасович Ладья, высокий худой человек с усами и козлиной бородкой. Игорь Тарасович — археолог-любитель, и бессонницы начали мучить его с тех пор, как удачливый коллега раскопал стоянку каменного века и разыскал там груды костей.

— Самое гнусное в его поступке, — жаловался нам в поезде бедный археолог, — заключается в том, что эти кости были мои!

И, видя наше недоумение, пояснил:

— Я застолбил этот участок, а не он!

Антон выразил уверенность, что археолог найдет на нашем острове целую скелетную жилу. Игорь Тарасович тут же признался, что только эта надежда и привела его к нам в компанию. Санаторий, да еще с самостоятельным режимом, да еще на древневалдайском острове, — нет, тут где-то должна быть зарыта собака, то есть не собака, а разные интересные для науки кости.

Чинно сидят у самой воды два брата — Юрик и Шурик. Они похожи друг на друга как две кегли, и лишь одна оплошность природы портит братьям жизнь: у Юрика — черные навывкате глаза, а у Шурика — также навывкате, но серые. Это сильно мешает братьям-студентам сдавать друг за друга экзамены, поскольку все преподаватели уже на первом курсе раскусили эту трагическую примету и зафиксировали ее для памяти в своих записных книжечках. Юрик и Шурик изысканно вежливы, воспитанны и относятся к взрослым с подчеркнутым уважением. Их устроила в санаторий мама, которая уверена, что «этим невыносимым баскетболом дети совершенно расшатали свою центральную нервную систему». Ксения Авдеевна в глаза и за глаза осыпает братьев похвалами, и, по-моему, зря. Какое-то шестое чувство подсказывает мне, что это два плута, каких свет еще не видывал. Я убежден, что именно они положили кирпич в Ксеничкин саквояж и посолили халву Прыг-скоку.

Из озера, отряхиваясь, выходят два друга. На них весело смотреть.

Зайчик огромен, угрюм и молчалив. Хотя ему не больше двадцати пяти лет, у него есть веская причина смотреть на жизнь

печальными глазами Екклезиаста. Зайчик, боксер-перворазрядник, был нокаутирован в решающем бою на первенство профсоюзов, нокаутирован противником, который, как убедительно доказывали до боя приятели, не стоил его, Зайчика, мизинца. «У него совершенно не работает левая, — говорили о его противнике приятели, — ткни пальцем — и он рассыплется в прах!» Но именно эта левая так двинула Зайчика в челюсть, что он взвился в воздух и позорно шлепнулся на ринг. Бой передавали по телевидению, и все земляки видели, как спустя минуту после начала первого раунда Зайчик жалко проковылял к раздевалке. В сентябре ожидалось новые соревнования, душевную травму нужно было срочно залечить, и завком отправил Зайчика в санаторий. А для контроля и руководства был выделен Борис, цеховой товарищ Зайчика, маленький, худенький и верткий, как школьник. Он не намного старше своего подопечного, но тот слушается его, как новобранец старшину роты. Каждое слово, исходящее из уст Бориса, для Зайчика мудрость в последней инстанции, божественное откровение свыше.

Илья Лукич Раков сидит в сторонке, особняком. Илья Лукич — важная персона. Он директор большого ресторана, и ему ужасно хочется, чтобы все поняли размеры разделяющей нас дистанции. Лишь к своему старому знакомому Прыг-скоку он относится как к равному. Остальным директор уже дал понять, что хотя он и вспыльчивый человек, но не какой-нибудь там рядовой неврастеник, а руководящий работник, получивший путевку из одного уважения к его личности. Как только он узнал, что существует такой редкостный санаторий с ограниченным контингентом отдыхающих, то нажал на все педали, и путевку ему доставили в кабинет на серебряном подносыке. Илья Лукич уже закончил сервировать пень и степенно, соблюдая достоинство, поглощает разные продукты. Время от времени он прикладывает к фляжке и благодушно поглаживает себя по упитанному животу.

Растревоженный приятным запахом, Шницель поднимает голову и изучает обстановку. Его волнует пень, от которого доносится аромат ветчины. Антон укоризненно качает головой, нагибается к Шницелю и что-то шепчет. Пес внимательно слушает, на его морде появляется презрительная улыбка, и, проглотив слюну, он отворачивается от вождя пенья.

— Принципиальная собака, — с уважением говорит Игорь Тарасович.

— Да, есть немножко, — скромно подтверждает Антон. — Приходится с ним работать, внушать. Шницель скорее умрет с голоду, чем возьмет пищу у чужого человека. А однажды я его запер в квартире и забыл оставить еду. Лишь к вечеру я вспомнил об этом и о том, что на столе остался лежать целый круг копченой колбасы. Другая собака на месте Шницеля...

Пока Антон сочиняет свою легенду, я с огромным и все растущим интересом наблюдаю за Шницелем. С минуту он лежит и пыжится от похвал. Затем его моральные устои начинают вступать в конфликт с потребностями плоти. Шницель бросает задумчивый взгляд на покрытый салфетками пень, осторожно косится на Антона и медленно, потягиваясь, поднимается. Чувствуется, что в собачьей душе происходит мучительная борьба между добром и злом. Трусливо зевая, Шницель плетется в сторону, отвернув голову от ветчины и делая вид, что ему, Шницелю, ветчина не такая диковинка, чтобы тратить на нее свое драгоценное время. Илья Лукич сначала с некоторым беспокойством смотрит на пса, делающего вокруг пня концентрические круги, но затем успокаивается. Директор пьет боржом, ковыряет в зубах и не замечает, что радиусы кругов становятся все короче. И не успевает Антон закончить свой правдивый рассказ, как раздается взрыв проклятий — это древнее, как эстрадная шутка, изливание души ограбленного собственника. Двухметровыми скачками Шницель уносится в лес, а за ним, потрясая бутылкой и теряя на ходу салфетки, мчится ограбленный директор.

Антон что-то лепечет приседающему от удовольствия археологу, профессор хохочет, Машенька улыбается. Даже Зайчик и тот чуть раздвинул губы в улыбке.

— Гип-гип-ура! — раздается звонкий голос Юрика.

— Катер! — кричит Шурик.

Мы подтягиваемся к берегу и начинаем посадку. Антон грозно кричит, и из лесу — воплощенный грех — появляется Шницель. Морда его лоснится, но хвост опущен и тянется по траве, словно у Шницеля не хватает физических сил придать хвосту гордое дугообразное положение. Пес с трудом переваливается в катер, прижимается к ногам хозяина, и в его полных раскаяния глазах легко можно прочесть: «Люди, я сделал все, что мог. Я дол-

го терпел, но будьте справедливы — я же не каменный! Я обыкновенная собака, со всеми присущими собаке слабостями и недостатками, и прошу принимать меня таким, какой я есть. Не искушайте меня, люди!»

НЕЖНОЕ ЭФИРНОЕ СУЩЕСТВО

Я читал много книг о природе. В школе я зубрил наизусть тургеневские пейзажи. Я навеки сфотографировал в своей памяти картины Шишкина и Левитана. Я убедился в том, что писать природу люди умеют здорово. Но как подгоревшая каша лучше жареного цыпленка на обложке книги «О вкусной и здоровой пище», так любая сосна лучше своего описания. Живая сосна гениальнее самого искусного художника. Она живая и пахучая, она приносит радость, она — совершенство. И вообще нам есть чему у нее поучиться. Она тянется к солнцу, никогда не останавливается на достигнутом, не предает, не сплетничает и не пишет стихов. Недаром великий мудрец Шоу сказал: «В жизни ни один человек, за исключением девяти месяцев до рождения, не делает свои дела так хорошо, как это делает дерево». Поэтому поменьше высокомерия перед природой: когда-нибудь еще выяснится, что она не только чувствует, но и размышляет. При всей моей любви к Шишкину я предпочитаю десять минут ходить по сосновому бору, чем целую неделю смотреть на знаменитую картину художника. Ибо природу, как и невесту, нельзя изучать по рассказам и фотографиям: на нее нужно смотреть своими глазами; именно тогда иллюзии или рассеются, или окрепнут.

Мы молчали, подавленные неслыханным великолепием открывшегося нам зрелища. Эти фантастически причудливые очертания берегов, которые, все отдаляясь, вдруг превращаются то в гигантских птиц с оперением из соснового леса, то в крокодилов с хвостами из отмелей; эти зеленовато-бурые воды огромного озера, трепетные воды, вздрагивающие от малейшего прикосновения ветерка... Однако не буду вступать в противоречие с приведенным выше тезисом: лучше приезжайте на Валдай сами и посмотрите, поскольку природу, как и невесту... Впрочем, это я, кажется, говорил.

Минут через двадцать катер причалил к острову. На высоком берегу стояло несколько домиков дачного типа, за ними поднималась сосновая роща, в которой, как мы легко догадались, и был

расположен наш санаторий. Могучий старик в тельняшке ловко закрепил концы, и мы один за другим сошли на берег.

— Между прочим, товарищи, — прогудел Игорь Тарасович, — прошу учесть, что отныне мы — островитяне! Робинзоны! Тебя, дедусь, случайно, не Пятницей зовут?

— Хоть конем называй, да в телегу не запрягай! — отшутился дед. — Родитель назвал Петром, старуха кличет стариком, а туристы — как у кого язык подвешен: одни — Пятницей, а другие — Петром Потапычем.

Мы приняли намек к сведению.

Между тем моторист махнул на прощанье рукой, и катер отчалил.

Светило жаркое июльское солнце, но здесь оно было какое-то нежное, его лучи не обжигали, а ласкали; от огромной ванны озера веяло прохладой. Оглядываясь по сторонам и переговариваясь, мы по деревянной лестнице гуськом поднялись к домикам.

— Какие милые домики! — грудным голосом сказала Ксения Авдеевна. — Здесь, наверное, живет обслуживающий персонал, да?

— Здесь живут счастливые люди! — продекламировал Прыг-скок. — Перед ними вечно расстилается безбрежное озеро, над ними — голубое небо и белые стада облаков...

— Я рада, что вам нравится это место, — удовлетворенно сказала Машенька. — Ведь здесь будем жить мы.

— То есть как? — всполошился Раков. — Уж не хотите ли вы сказать, что эти четыре сарая и есть санаторий?

Дед Потапыч крякнул.

— Не из бывших ли пажей его бывшего императорского величества будете? — ядовито спросил он.

— Молчи, старик! — высокомерно сказал Раков.

— Вы, наверное, пошутили, Машенька? — с легкой тревогой спросил Прыг-скок.

— Хороши шутки! — буркнул Раков.

— Однако где же санаторий? — забеспокоилась Ксения Авдеевна. — Где отдыхающие? Столовая? Лечебный корпус?

— Где почта, телеграф, телефон, метро? — быстро включился Юрик.

— Кафе «Мороженое», «Детский мир»? — немедленно добавил Шурик.

Санин В.

С 18 Большой Пожар : роман, повести, рассказы / Владимир Санин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 864 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25271-4

Владимир Маркович Санин (1928–1989) — неутомимый путешественник, побывавший в самых недоступных местах земного шара — в Арктике, Антарктике и на экваторе, один из последних советских романтиков, воспевавший дальние странствия и героические профессии. Большинство его книг посвящено морякам и полярникам, о жизни которых автор знал не понаслышке. Такова вошедшая в сборник повесть «Одержимый» о гибели корабля во время экспериментов по обледенению или роман о пожарных, давший название всему сборнику. Взяв за основу реальные события — пожар в гостинице «Россия», случившийся в 1977 году, — Санин впервые в художественной литературе рассказывает об этой сложной профессии. Санина всегда отличал добрый и тонкий юмор, которым проникнута не только повесть «Остров Веселых Робинзонов», в которой постояльцы расположенного на острове санатория пытаются организовать «коммуну», но и совсем на первый взгляд невеселая история — «Старые друзья», повествование о фронтовиках, которые через много лет после войны выясняют, кто из их компании был доносчиком, отправившим на гибель в ГУЛАГ безвинного человека. В этом сборнике раскрываются разные грани таланта Владимира Санина. Человек героической биографии, он умел не падать духом в любой ситуации, и читатель книг Санина обязательно усвоит его главное жизненное и литературное кредо: с верой в лучшее относиться к обстоятельствам, которые кажутся непреодолимыми.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР МАРКОВИЧ САНИН

БОЛЬШОЙ ПОЖАР

Редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Валерий Камендо,
Ирина Киселева, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.11.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-34263-01-R